

КРАЙНИЙ КРАЙ

A detailed illustration of an elderly Native American man with a large feathered headdress, pointing his finger towards the viewer. A small helicopter is flying in the background behind him. The man has a weathered face with deep wrinkles and is wearing multiple necklaces and a large, colorful feathered headdress. The helicopter is yellow and red with the text 'АВИАЭКИМОС' on its side. The background is a dark, moody blue-green.

ЯРОСЛАВ МАЛЫЙ
МАЧЕТЕ

Ярослав Малый

Крайний Край

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70327051
SelfPub; 2024*

Аннотация

“Крайний край” – полуреальное, полумистическое место, которое меняет людей независимо от их желаний. Перемены происходят просто потому, что пришло время. Волею судьбы, наши герои встречаются в одном вертолете, которому суждено разбиться, – губернатор и его любовница, скандальная телеведущая и храбрый сикх, верный зам губернатора и телеоператор. И все ради того, чтобы оказаться перед воротами “кармического рая” и разобраться в своем пути. А поможет им в этом Шаман – местный хранитель, играющий по заданию Духа Святой горы ключевую роль в перерождении наших персонажей. Одни проходят исправление на земле, а других, для очищения кармы, хранитель отправляет в потусторонний мир, предоставляя им свободу выбора – остаться там, наслаждаясь ложными ценностями, или очиститься и вернуться обратно для выполнения миссии, известной пока только ему...

Ярослав Малый

Крайний Край

"Крайний Край"

Губернатор стоял у микрофона и пытался вспомнить название столицы вверенного ему региона. Хоть бы кто-то подсказал...

Но все молчали. На него пялилось больше ста детей из республиканского хора мальчиков, которые должны были после слов «Великая держава» запеть сквозь антибактериальные маски патриотическую песню Глинки «Славься!».

Пауза затягивалась, и губернатор вместо текста, отрепетированного и утвержденного накануне со своей секретаршей, привезенной из Москвы вместе с любимой шкатулкой для сигар, замаскированной под глобус, начал медленно проговаривать в микрофон свои мысли:

– Заговор, – сказал он. – Здесь всегда так перед выборами, ни на кого нельзя положиться.

Дети стояли в оцепенении.

На площадь вбежала собака, державшая в зубах череп коровы.

С артистическим восторгом она плюхнулась в грязную лужу прямо между потерянным оратором и детьми и с довольной мордой, типа – гляньте, что у меня есть, начала терзать нижнюю челюсть святого в Индии животного. Лязг псовых

кльков отодвинул на второй план звучащие из дешевых колонок мысли губернатора, и из-за этого происходящее стало похоже на какой-то древний мистический обряд.

Первый зам так и не смог выйти из машины. Упершись лбом в сигнал клаксона, он рычал слова из детской песни. «Папа может, папа может все, что угодно». Эта привычка прилипла к нему с детства, когда его папаша, в хлам пьяный, вваливался в дом с остатком зарплаты и, извращая смысл песни «папа может все что угодно», гонялся по маленькой хрущевке за домашними, требуя отдать ему честь, так как был школьным военруком. Домашние знали, что продержаться нужно пару минут, пока пьяный тиран не зацепится снятым со штанов ремнем за вентилятор, который должен был быть включен в квартире даже зимой, так как напоминал отцу семейства о службе в вертолетных войсках, что, по его словам, было единственным, ради чего стоило жить. Его уволили из рядов за то, что он, бухой, в чем мать родила, сел за вертушку и полетел в центр города за живым пивом.

Так вот, когда вентилятор зажевывал занесенный над кем-то из домочадцев дамоклов меч папиного ремня, он быстро терял равновесие, падал на пол, и военное прошлое буквально засасывало его за диван, куда он залезал даже в состоянии крайнего опьянения, пересекая ползком воображаемое минное поле хрущевки. Там он автоматически накрывал голову руками, плотно прижимался к полу, задерживал дыхание, и через минуту-две единственное, что связывало его с

этим миром, был ритмичный, прерывистый храп, похожий на сигнал «спасите наши души».

– Вы можете делать со мной все что угодно, да, вы можете делать все что угодно, – обращался губернатор к перепуганным детям, даже не подозревая, что этой фразой, заводившей всю его праздничную речь в смысловой тупик, он спас свою карьеру. Сознание первого зама выхватило слова «все что угодно» из внешнего мира, как спасательный круг. Слова песни из детства и слова начальника синхронизировались и сработали как триггер для выхода из забытья верного спутника главы республики.

Бывавший в разных передрягах зам резким движением вытащил из бардачка скомканную бумагу с речью губернатора и, раскачиваясь в разные стороны, как будто уворачиваясь от невидимых снарядов, медленно пошел по направлению к шипящему спикеру.

Картина с собакой, грызущей череп коровы, и зловещее шипение шефа в микрофон на фоне толпы детей в масках показалась Толе, так звали первого помощника, каким-то шаманским заклинанием, и в подтверждение этому ясное небо над центральной площадью Победы за считанные секунды съезжилось и скрылось за плитами пунцовых туч. Толя, скомкав лист с речью до размеров шпаргалки, подойдя к губернатору, протянул ему руку типа для рукопожатия и незаметно ладонью передал шефу утвержденный накануне

документ.

Губернатор, как ни в чем не бывало, развернул бумагу и перешел на текст обращения к жителям Крайнего Края.

В эту секунду раздался страшный гром, и испуганные дети, гонимые своей неокрепшей психикой, начали разбегаться кто куда.

Один мальчик подбежал к парочке, стоявшей у микрофона, и начал кричать:

– Это торнадо, это торнадо!

– Торнадо? – сказал губернатор, поворачиваясь к Толику. – А откуда они знают про торнадо?

Клуб «Торнадо»

Вообще секретаршу звали Катя, но поскольку она постоянно переходила от одного патрона к другому, считая себя музой законодательства, в узком кругу управленцев ее звали Переката.

– Так что тебе подарить на день рождения, Катюш? – спрашивал у снизошедшей до его приемной музы потерявший голову глава.

Она никогда не стесняла себя в своих желаниях, так как считала, что дает больше, чем просит. И это ему нравилось. Он чувствовал себя мужчиной. Нужным и всемогущим. Еще до инаугурации он тайно попросил министра культуры края забукировать «Мумий Тролля» на 14-е. Катя тащилась от Лагуты с детства, а песня «Уходим» стала гимном всей ее

жизни.

– Ты знаешь, что я приношу удачу, – шоколадно мурлыкала Перекатя. – Меня все время преследуют чудеса, но это из ряда фантастики. Илюша записал новый альбом, и они 14-го в «Торнадо». Согласись, таких совпадений не бывает. У меня дар притягивать хорошие события!

На самом деле у Перекати был совсем другой дар. И это было понятно любому, на чьем пути встречался ее бюст, перекрывающий своими размерами доступ к солнцу.

Губернатор сделал удивленное лицо, развел руками и произнес:

– Какая ж ты у меня фартовая!

Эта фраза прозвучала с интонацией испепеляющего восторга. На Катином лице выступил ее фирменный румянец. Она научилась вызывать его по желанию еще будучи стажеркой в региональной ячейке одной известной политической партии. Катя любила приносить начальнику штаба на подпись документы с ошибками, типа слова «приписка» с мягким знаком, и когда он отчитывал ее, она стояла перед ним и тренировалась краснеть. Однажды ячейку посетил партийный лидер и, увидев краснеющую Катю, попался на ее крючок. Так как сами законодатели краснеть не умеют, им нужен кто-то рядом, сохранивший этот редкий в наше время людской дар. Так судьба метнула Катю из города, название которого даже вспоминать не хочется, в мягкое столичное кресло от Филиппа Старка. Потом чего только не было, но

этот, теперешний период, был особенный. Губернатор Крайнего Края был вдовец. Они познакомились в Третьяковском поезде в «Дольче Габана». Катя заметила мишень, примеряющую черный пиджак, прошла рядом и, не оборачиваясь, бросила:

– Вам нужен такой же, но синий.

По ходу движения к кассе она не глядя сдернула с вешалки норковое манто и еще что-то блестящее и дорогое, задержала дыхание, спинным мозгом чувствуя крадущееся мужское тело, сделала вид, что собирается вытащить из сумки деньги... Раз, два, три, – просчитала про себя Катя.

– А вы не могли бы мне помочь с выбором костюма? У меня впереди важное событие, инаугурация. Я думал взять черный...

Катя сделала вид, что испугалась внезапно появившегося подле нее незнакомца, боковым зрением считала, что на безымянном пальце у мишени нет кольца, перенесла вес тела на правый каблук, идеально подвернула ногу и пронзительно зыркнула в его глаза. Охмуряющий счетчик на автомате просчитал – раз, два, три, она ойкнула, как могла застенчиво улыбнулась, и уже не отрывая пристального взгляда, медленно краснея, прерывающимся от волнения голосом произнесла:

– Черный вам пригодится для более торжественного события.

Когда через полчаса совместно проведенного в магазине

времени они снова подошли на кассу с выбранным для инаугурации костюмом, живописный продавец, глядя в глаза нововлюбленному, мягко произнес:

– Здрассе, вам считать вмессе?

Катя любила такие моменты, она называла их охотой на мамонта. Паузы почти не было, она даже не успела сосчитать до трех.

– Конечно вместе, – чистосердечно произнес еще ни о чем не подозревающий новый Перекатин патрон...

И этот калибр оказался ей по зубам. Она посмотрела на него игриво-серьезным взглядом и сказала:

– А мне нравится слово «вместе».

– Виктор, – протянув свою ладонь с короткой линией жизни, представился незнакомец.

– Катя, – ответила носительница легкого прищура и триумфальной улыбки, которую отметила своим присутствием игривая фортуна.

Потом они сели в Витину машину. Он попросил водителя включить музыку. Тот поставил радио «Романтика». Из колонок зазвучал мягкий баритон, напевающий «Дай мне нежность». Витя, не выпуская из ладони теплую женскую руку, сказал:

– Классная песня.

Катя улыбнулась про себя и подумала: «Дело сделано».

"Славик"

Вообще, Крайний Край – удивительное место. Он внезапно стал притягивать к себе гонимых пандемией креативных бездельников из Бали и Индии, молодых айтишников из Силиконовой долины, возвращающихся на родину после стрельнувших стартапов. Столичную богему, которую манило само название – «Крайний Край». Банкиров, вынужденных по требованию нового премьера с няшной фамилией закидывать деньги в развитие туристического кластера страны. Ну и, конечно, региональных туристов, которые, словно паломники к святым местам, по пути своего шествия раскладывали зажженные благовония в виде шашлыков.

Глядя на это пестрое общество со стороны, складывалось впечатление, что тысячелетиями спящая земля вдруг пробудилась, как энергетическая зона, засасывающая в себя самых разнообразных представителей одной четвертой суши.

Славик называл это порталом.

– Это похоже на зону из «Сталкера» Стугацких, – говорил он внимающей стайке адептов, свято верящих, что Славик и есть тот самый проводник, который уведет их из мира непокрытых кредитов в светлое будущее чего-то еще.

– Нам необходимо достичь такого уровня понимания, на котором мы могли бы быть хозяевами своих мыслей и дирижерами своей судьбы.

Он любил использовать музыкальные образы, так как когда-то был первым тенором Одесской оперы. Ему пророчили большое будущее. Он и правда был недурен в роли Ленско-

го, хорош в «Травиате», но гениально он звучал в генделевском «Мессии», что в будущем и сыграло с ним злую шутку. Однажды на концерте по случаю Дня конституции, во время исполнения хором «Аллилуйя» в финале второй части оперы, он вдруг отчетливо понял, что «Мессия» написана про него.

С перекошенным от восторга лицом он шагнул в оркестровую яму, чем поверг в ужас даже искусственную одесскую публику. После страшного падения встал на ноги и, приняв сочившуюся из ладоней кровь за стигматы, словно в сомнамбулическом сне, двинулся по головам первых скрипок к черному ходу.

Для города, в котором даже сантехник разбирается в опере, слухи о свалившемся в оркестровую яму лже-Мессии стали новостью, обсуждаемой и в порту, и в синагоге.

Выглядело это примерно так.

– Ты слышал, шо нарисовал этот поц Славик? Он сделал публике нехорошо. Свалился на голову Фиме, када тот пилл скрипку, вымазал его ноты кровью и как шлемазл убежал через черный ход.

– Зачем он это сделал?

– Я не знаю... говорят, ему музыкой навеяло, шо он новый герой еврейского народа.

– Яша, это фонарь! Если б все было так, он бы сразу пришел в синагогу к раввину Вольфу и навел там порядок.

Жизнь Славика стала невыносимой.

А после того как Спасителя человечества отчислили из театра, и вовсе потеряла всякий смысл.

Он даже ходил к пирсу, чтобы утопить себя в морской пучине, но всегда что-то мешало. То пятно нефти в месте рокового прыжка, то рыбак со спиннингом, с издевкой вопрошавший:

– Ха-ха, благослови меня на клев.

Коллеги отвернулись. Телефон молчал. Еда потеряла вкус. На афишах под словом «тенор» появилась другая фамилия.

Он ложился поздно, просыпался поздно, и любая мысль, которая приходила ему в голову, заканчивалась словом – «поздно».

Но мир не без добрых людей! Когда Славик шел за сыром, на его пути возник совершенно неприметный человек, сующий всем подряд какие-то бумажки. Славик протянул руку, хотя раньше так никогда не делал, взял цветной флаер и прочел...

Туристическая фирма «Фурман и Ко». Путешествие на Крайний Край.

Между висками раздался бой литавр.

Сердце стучало с оттенком *religioso ritmico*.

Над только что ничем не приметным человеком, раздающим флаеры, засиял нимб.

В голове у Славика снова разразилось генделевское «Аллилуйя», потом он провалился в воронку времени, как было

в прошлый раз, и пришел в себя только вечером, обнаружив, что жадно жует сыр в магазине на другом краю города.

– Платить будете? – спросила продавщица, с интересом наблюдающая за перекошенным от восторга лицом посетителя. На табличке, приколотой к ее халату, было написано Мария. Почему именно это имя, подумал Славик.

Таких совпадений не бывает. Над Марией то проявлялся, то исчезал нимб в ритме испорченной лампы дневного света, бившей в глаза загадочному посетителю. Солнце, садящееся за горизонт, залило пространство золотом, и Славику показалось, что он находится внутри какой-то библейской картины.

Впервые за последнее время он точно знал, что будет делать завтра.

– Спасибо, – шепотом сказал странный молодой человек, расплачивающийся за брынзу цветным флаером.

"Строитель"

За два часа с того момента, как гость пересек порог освещенной пламенем юрты, шаман не сказал ему ни слова. Он даже не глянул в его сторону, просто смотрел на телефоне Сиоми передачу про Илона Маска и его самую счастливую в мире обезьяну, возмущенно комментируя увиденное на непонятном языке. Периодически он подкладывал в огонь сухие ветки и махал головой, типа, как так можно?

Гостя звали Строитель. Это было не просто прозвище, это было имя нарицательное, которое он сделал себе, как Бони и Клайд, Битлз и Морфиус.

Он не строил города и общества, не строил корабли и каналы – он строил финансовые схемы. При этом делал это так, что если бы даже на землю прилетели представители Галактической Федерации с заданием в них разобраться, рано или поздно, обессиленные, они бы зашли в его кабинет и сказали – сдаемся

Даже сейчас, находясь здесь, на краю света, мозг Макса, так звали Строителя, высчитал количество квадратных метров в юрте и предложил ему несколько вариантов заработать.

Многие сильные мира сего почли бы за честь участвовать в решении любой его проблемы, но вопрос, с которым Строитель приехал сюда, мог решить только этот старик с телефоном Сиоми.

Когда шаман отложил в сторону ярко-зеленое чудо китайской техники, зажег трубку и принялся раскачиваться взад-вперед, Строитель решил нарушить молчание.

– Я че приехал... спать не могу. Два месяца таблетки глотаю, от них голова болит, а мне работать надо.

– Я не могу научить тебя спать, – ответил старик, – я сам не знаю, как у меня получается, просто ложусь и сплю.

Строитель ухмыльнулся.

– Мож, вы барана зарежете? Мне сказали, что вы так лю-

дей у злых сил выкупаєте.

– У нас тут столько баранов нет, чтобы тебя у тебя выкупить, – без какой-либо эмоции произнес шаман.

Мозг Строителя просчитал – ситуация нестандартная, и чтобы укатать Турана Мнихеевича, так звали шамана, предложил очень редкий для своего хозяина вариант – давить на жалость.

– Я к тебе два дня летел, старый, помоги, в долгу не останусь, – начал качать Строитель. Он говорил долго и много, но настоящий шаман не слушает, что говорит язык человека, он слушает, о чем кричит его сердце.

– Не болтай, – тихо сказал старик, – ты не в офисе, ты у подножия святой горы. Здесь ты разговариваешь не со мной, а с духом Крайнего Края. Ты никогда не любил себя, ты любил деньги. Когда они у тебя появились, ты начал любить себя, и эта любовь за деньги стала смыслом твоей жизни. Поэтому ты здесь.

В воздухе повисла пауза. Шаман сверлил отморожившегося Строителя своим взглядом, но это не был наезд. Это было похоже на то, когда в Склифосовского привозят пациента в состоянии клинической смерти, и хирург, видя всю серьезность ситуации, не здороваясь, не представляясь, не рассказывая о методе лечения и не дожидаясь, когда подействует наркоз, берет в руки скальпель и делает свое дело.

Старик протянул гостю деревянную пиалу с жидкостью коричнево-желтого цвета.

– Пей. Это молоко красной коровы. Когда ты это выпьешь, ты заснешь. Когда ты заснешь, то увидишь, где ошибся, твоя настоящая природа подскажет тебе, что ты сделал не так, и если дух огня нас соединит, я буду с тобой говорить.

Строитель потерялся. Впервые в жизни ему предстояла встреча с самим собой. Он должен выйти из подвала с деньгами к подножию великой горы. Но что его там ждет? Кого он там знает?

Когда-то он был мальчиком по имени Макс. Сейчас он уважаемый всеми Строитель. А кем он будет, когда проснется?

– Пить или не пить, вот в чем вопрос... Вот ты сейчас отрубись, а у тебя в лопатнике карточки, документы, а если пропустишь важный звонок, мож, пойдем пока, прогулим этого шамана, кто такой вообще? Сто процентов развод, глянь – ни кабинета, ни сертификатов. У старика своя схема, я пока не понял какая, давай сначала разберемся, – диктовал свой расклад мозг.

Но Строитель его не слушал.

Он выпил содержимое пиалы, понимая, что пришло время родиться заново. Сейчас или никогда.

Шаман точным движением протянул ему медную монету и кивнул на огонь, мол, брось ее туда. Строитель опустил монету, и ему показалось, что время на миг остановилось и пламя как бы пожало ему ладонь. Искры огня поднялись

вверх, словно раскручивая спираль происходящего.

Он не был мистиком, он был практиком, но то, что сейчас происходило, было реальнее самой гениальной схемы, которая когда-либо рождалась в его голове.

Строитель поймал себя на мысли, что на мгновение растворился в пространстве. Странно...

Он всегда держал ситуацию под контролем. И когда ему выписали билет в одну сторону на Лосиный остров, и когда его запикивали в сейф на Лубянке, с бумагой и ручкой для подписи, и когда его принимали в аэропорту Кеннеди как опасного преступника, представляющего угрозу экономической безопасности Штатов.

Всегда был план. Он чувствовал себя хозяином положения. Но сейчас он не был хозяином, и у него не было положения.

Там, за дверью юрты, он был как кит в океане. Понимал, как работает система, мотивировал поступки прибылью, смотрел на людей как на ступеньки. А здесь его будто выбросило на необитаемый остров собственной души.

А потом началось вот что... Сначала к нему пришел страх – шаман завопил какую-то мелодию. Потом от копчика вверх по позвоночнику пробежал леденящий холод – шаман взял бубен и начал прыгать вокруг костра. Потом не стало ни одной мысли, и мозг завибрировал, как царь-колокол – шаман поднял бубен над головой Строителя и начал стучать

в него лапой какого-то животного. Потом миллиарды мурашек, расплзавшихся по его коже, сковали все тело, и пришел ужас.

Он мог шевелить только губами, хотя и это далось нечеловеческими усилиями.

По-мо-ги-те.

Старик во все легкие затянул свою трубку и выдохнул в лицо гостю струю молочно-кудрявого дыма. Строителю показалось, что они перенеслись в облака, и последнее, что он услышал, перед тем как провалиться в сон, был фальшивый звук плавящейся в огне монеты. Ему приснилось, как он поднял свои первые деньги. Сначала всплыла картина, где он, махнув рукой, отдает команду, и старатели взрывают скалу.

– Зачем ты убил камень? – откуда-то из другого измерения спросил голос шамана.

Потом картина, где он стоит в тайге, кивает головой, и старатели начинают рубить лес...

– Зачем ты убил дерево? – спросил голос старика.

Затем картина, где он с ружьем идет к вездеходу, а старатели уносят с дороги тело мертвого животного.

– Зачем ты убил волка?

Потом старатели приносят золото, он кладет его в сейф и долго гладит железный ящик.

– Зачем ты убил себя?

Слова «убил себя» крутились в голове Строителя бесконечное количество раз.

Ему, как в кино, показали все его кривые поступки. Он даже не помнил, сколько всего натворил. Показывали и такое, за что он оправдывал себя, типа, а че я еще мог сделать? Но в том измерении, куда впервые за два месяца его на молочных крыльях красной коровы унес сын Гипноса Морфей, сама душа Строителя была тем праведным судьей, который выносил приговор каждому его поступку.

Он начал плакать, как мальчишка. Он спал и рыдал одновременно. Казалось, это длилось целую вечность

– Апчи!!! – чихнул старик.

Первое, что увидел Строитель, было два озера с картин-ки, которая висела на выходе из аэропорта Крайнего Края. Потом, сфокусировав взгляд, он понял, что это были глаза шамана, как две лампы висящие над ним и светившие прямо ему в душу.

Ш, шшшшш Ш шШ...

Ш, шшшшш Ш шШ...

Странное шипение вперемишку со свистом наполняло остывшую юрту.

Огонь почти погас.

Строителю, возможно, впервые за всю его долгую жизнь было просто хорошо. Он медленно поднялся, провел ладонями по лицу, словно умываясь, его мозг молчал, схем в голове не было. Шаман сидел на коленях и благодарил дух ог-

ня.

– И что мне теперь делать? – спросил гость.

– А что ты до этого делал?

– Я был Строителем.

– Ну вот и строй, у нас тут школы нет. Только сам строй, тогда хорошо спать будешь.

Старик какой-то веточкой разворошил тлеющие угольки, достал из золы медное кольцо и передал его гостю.

– Надень на средний палец левой руки.

– Что это значит? – спросил Строитель, глядя на странный предмет, похожий на змею, кусающую себя за хвост. Работник Света впервые одарил его своей беззубой улыбкой и сказал:

– А ты прогугли.

"Баяна"

– Пока не найдется мой телефон, из самолета никто не выйдет, вы меня знаете! – кричала, размахивая копной лошадиных волос, высокая девушка с квадратными скулами и губами, похожими на бицепсы атлета. На борту ее знали действительно все. Это была Бояна Гирина – скандальная ведущая популярной в Ютубе передачи «Король или пешка». Скажем так: мама как в лужу глядела, давая доче это имя. Вот уж действительно, как назовешь корабль, так он и поплывет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.